

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО

ТОМЪ П.
1827 г. — 1851 г.

ИЗДАНИЕ
Графа С. Д. Шереметева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. О., 2 л., 7.

1879

ЛИТЕРАТУРНІЕ

КРИТИЧЕСКІЕ И БІОГРАФИЧЕСКІЕ

ОЧЕРКИ

ТОМЪ II.

1827 г. — 1851 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича. В. О., 2 л., 7.

—
1879

XLIII.

НОВАЯ ТЯЖБА О БУКВЪ ТЪ.

1829.

Пребываніе барона Гумбольдта въ Россіи есть важная эпоха въ воспоминаніяхъ нашего просвѣщенія. Мы видѣли въ немъ высокій примѣръ истинно ученаго и образованнаго человѣка, который, посвятя жизнь и всѣ способности свои на изученіе и развитіе одной изъ отраслей человѣческихъ познаній, не чуждается всѣхъ другихъ отраслей и любопытнымъ взглядомъ окидываетъ всѣ запросы, любопытные для ума человѣческаго вообще, и для ума народнаго частно. Всеобъемность размышленій и разговоровъ его изумительна. Вѣроятно, никто лучше его не знаетъ науки, избранной имъ цѣлью постоянныхъ усилій своихъ, и никто короче его не знаетъ Вселенной. Въ этомъ выраженіи нѣтъ преувеличенія.

Съ равною свободою, съ равнымъ свѣдѣніемъ будетъ онъ вамъ говорить о тайнствахъ подземнаго міра, объ обширныхъ подробностяхъ пустыни Новаго Свѣта и о мелкихъ, но блестящихъ частностяхъ гостинныхъ Парижскихъ, въ которыхъ жизнь стѣсняется въ ограниченный, но не менѣе того любопытный кругъ: о духѣ младенчествующаго человѣчества и о распрѣ классицизма съ романтизмомъ между Бауръ-Лорміаномъ и Викторомъ Гюго. Въ Россіи, столь еще богатой для наблюденій разнородныхъ, столь еще свѣжей для изысканій, открылось обширное поле передъ испытательнымъ умомъ его. Языкъ, сіе жи-

вое знаменіе бытія народа, языкъ нашъ, столь незнакомый чужестранцамъ, столь мало знакомый намъ самимъ, долженъ былъ обратитъ на себя вниманіе ученаго путешественника, слышавшаго на вѣку своемъ звуки языковъ большей части міра извѣстнаго: въ краткое пребываніе свое у насъ онъ учился ему. Особенности его подвергались изслѣдованіямъ его: буква Ъ имѣла эту участь. Однажды въ Петербургѣ, въ одномъ домѣ, изъяснилъ онъ мнѣніе свое о безполезности существованія ея въ нашей азбукѣ. Одинъ изъ присутствовавшихъ написалъ къ нему на другой день челобитную отъ буквы Ъ, на французскомъ языкѣ; но самъ скрылъ свое имя, такъ что баронъ Гумбольдтъ и не узналъ его, но по своимъ соображеніямъ отвѣчалъ на полученную грамоту къ другому лицу, которое почиталъ авторомъ ея. Надѣясь на снисходительное разрѣшеніе обоихъ писателей, предлагаемъ читателямъ нашимъ сію маленькую тяжбу, которая тѣмъ занимательнѣе, что возникла между свѣтскими учеными въ Петербургской гостинной, на сценѣ, въ которой мало заботятся у насъ о буквѣ Ъ и Ь и вообще о Русскихъ письменахъ.

ПИСЬМО КЪ БАРОНУ ГУМБОЛЬДТУ.

Милостивый государь!

Слава, которую глубокія и разнообразныя познанія и важныя творенія ваши доставили вамъ, была не чужда намъ задолго до вашего прибытія въ Россію, и удивленіе, встрѣтившее васъ на всемъ пространствѣ сей имперіи, было только однимъ изъ старинныхъ завоеваній обширнаго вашего ума. Сіе чувствованіе, казалось, уже достигло высшей степени; но совсѣмъ тѣмъ личныя ваши достоинства еще болѣе усилили оное: ваша снисходительность, ваша обязательная вѣжливость, ваше свободное и блестящее краснорѣчіе родили во всѣхъ, имѣвшихъ честь узнать васъ, искреннее уваженіе и привязанность, кои, можетъ быть, лествѣ самаго удивленія.

Для чего, милостивый государь, изъ среды сихъ единодушныхъ вликовъ восхищенія, столь заслуженнаго, долженъ возвы-

ситься голосъ, обвиняющій васъ въ несправедливости, голосъ существа, коего превлонныя лѣта должны бы были задобрить ваше снисхожденіе и коего старинныя заслуги приобрѣли право на уваженіе общее? Увы, милостивый государь! это существо... я!—Считаю себя въ правѣ жаловаться на васъ, и, въ тяжелой моей горести, мнѣ остается одно только утѣшеніе: надежда, что, узнавъ меня повороче, вы раскваетесь въ нанесенной мнѣ обидѣ, и что великодушнымъ покровительствомъ вашимъ замѣните ту неприязнь, которую по видимому ко мнѣ питаете. Удостойте выслушать мое оправданіе, и да не помѣшаетъ вамъ моя мнимая незначительность внимательно склонить ко мнѣ слухъ вашъ.

Я буква Ъ и занимаю довольно важное мѣсто въ Русской азбукѣ. Около десяти вѣковъ протекло со дня моего рожденія, и никто не осмѣливался отвергать дѣйствительность мою и оспаривать тѣ заслуги, кои оказала я и донинѣ оказываю Россійскому языку. Только въ исходѣ минувшаго столѣтія нѣкоторые безвѣстные вводители новизны, искавшіе славы Геростратовъ, замыслили лишить меня правъ моихъ; но общее мнѣніе скоро произрело имъ правый судъ, и нападенія ихъ были заглушены окрикомъ нашихъ отличнѣйшихъ и ученѣйшихъ литераторовъ. Что до меня касается, то я съ жалостію смотрѣла на моихъ ненавистниковъ, и никогда, ни на мигъ не поселили они во мнѣ страха о моемъ существованіи. Скоро даже я вовсе о нихъ позабыла; Россія также.

Но каково было мое удивленіе, когда я узнала недавно, что вы, баронъ, раздѣляете несправедливое мнѣніе этихъ господъ! Я тотчасъ поняла, что кто-либо облеветалъ меня передъ вами и что, по всей вѣроятности, скрыли отъ васъ мои заслуги. Я сильно была опечалена; но, не попуская унынію овладѣть мною, рѣшилась изложить вамъ мое дѣло съ довѣренностію и прямодушіемъ. Такъ, милостивый государь, осмѣливаюсь прибѣгнуть къ вашему здравомыслію, и это уже меня успокоиваетъ! Преждевременное торжество враговъ моихъ будетъ не надолго; вы узнаете грубое сплетеніе ихъ клеветы: я приобрѣту въ васъ покровителя, и тогда останусь благонадежна въ моей безопасности на предбудущее время. Приступаю къ дѣлу.

Почти всѣ согласныя буквы въ Русскомъ языкѣ имѣютъ два явные звука: одинъ твердый, а другой мягкій: я, Ъ, имѣю честь быть представительницей перваго, а двойчатка — сестра моя Ь — втораго.

Съ перваго взгляда можно бы подумать, что легко было бы исключить одну изъ насъ: тогда оставшаяся выражала бы звукъ ей свойственный, а ея отсутствіе соотвѣтствовало бы знаку исключенному. Тоже думаютъ и мои гонители, кои однако же не осмѣлились посягать на существованіе сестры моей, которой необходимая польза казалась имъ ощутительнѣе моей. Посему-то я буду говорить собственно о себѣ; а для ббльшаго удобства и ясности, прошу позволеніе говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ.

Ъ, кромѣ обязанности своей придавать твердый выговоръ согласнымъ буквамъ, послѣ которыхъ находится, служитъ еще къ познанію словопроизводства. Люди, вникавшіе хотя нѣсколько въ языкъ Русскій, основательно думаютъ, что Ъ есть не что иное, какъ сокращеніе буквы О. Весьма даже вѣроятно, что въ древнемъ Славянскомъ языкѣ Ъ произносилось какъ О короткое. Доказательства, что Ъ и О въ собственномъ смыслѣ суть одна и та же буква, встрѣчаются поминутно въ Русскомъ языкѣ, равно какъ и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Славянскія реченія: *како, тако* пишутся и выговариваются по-русски: *какъ, такъ*. *Тамъ и тамо, однакъ и однако* суть совершенно слова однозначія и безъ различія употребляются въ языкѣ Русскомъ. Предлоги *въ, съ, предъ, изъ*, и пр., пр. часто перемѣняются въ: *во, со, предо, изо*, и пр. Малороссійское слово *якъ* есть явнымъ образомъ Славянское: *яко*. Первое лицо множественнаго числа настоящаго времени извѣятельнаго наклоненія всѣхъ Русскихъ глаголовъ кончится всегда на Ъ, а Малороссійскихъ на О. Напр. *мы дѣлаемъ*, — *мы дѣлаемо*. Тоже и въ будущемъ времени: *мы сдѣлаемъ*, *мы сдѣлаемо*. Легко можно бы было расплодить сіи примѣры до безконечности. Въ древнихъ Славянскихъ рукописяхъ находимъ даже, что многія слова, какъ-то: *полкъ, волкъ, востокъ, борзый*, писались неотступно: *пѣлкъ, вѣлкъ, вѣстокъ, бѣрзый* и т. д. Это въ особенности придаетъ великую вѣроятность вышесприведенному предположенію, что въ прежнія времена Ъ выговаривалось всегда

какъ О короткое, хотя и то возможное дѣло, что въ концѣ словъ буква сія заключала въ себѣ звукъ неопредѣленный, почти такой же, какъ Французское безгласное *e*, когда имъ оканчивается какое-либо слово; напр. *tente, bande, chance*. Если мы не приемъ за правило, что Ъ есть не что иное, какъ О, то какъ же мы объяснимъ его употребленіе въ срединѣ нѣкоторыхъ словъ, какъ: *пѣкъ, оѣкъ*, и т. п.? А словъ сихъ очень много. Самое начертаніе буквы Ъ можетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ послужить доказательствомъ ея тожества съ буквой О; ибо весьма вѣроятно, что она писывалась первоначально такимъ образомъ: *Ō*, для означенія, что это О краткое, подобно какъ *Ÿ* донинѣ означаетъ краткое *И*.

Правда, что для слуха нашего показалось бы очень страннымъ, когда бъ мы вздумали теперь замѣнить буквой О всѣ Ъ, коими кончатся у насъ слова; но этимъ ничего не доказывается противъ тожества обѣихъ сихъ буквъ. Произношеніе въ какомъ либо языкѣ не подвергается ли со временемъ еще бѣльшимъ и страннѣйшимъ измѣненіямъ? Правда и то, что многія слова, кончащіяся нынѣ въ Русскомъ и новомъ Славянскомъ языкахъ на Ъ, въ древнемъ Славянскомъ оканчивались на Ъ. Таковая перемена послѣдовала, на примѣръ, со всѣми вообще глаголами. Третье лицо настоящаго времени изъявительнаго наклоненія въ обѣихъ числахъ неизмѣнно оканчивается на ТЬ, тогда какъ въ древнемъ Славянскомъ языкѣ его окончаніе было на ТЬ. Но сіи новѣйшія исключенія, измѣнившія старинное употребленіе буквы Ъ, не могутъ уничтожить многочисленныхъ доказательствъ тожества ея съ буквою О. Посему буква Ъ останется навсегда драгоценнымъ памятникомъ древняго произношенія Славянскаго языка, и въ семъ видѣ будетъ всегда по праву имѣть мѣсто въ азбукѣ Русской. Храненіе словопроизводныхъ памятниковъ языка всегда почиталось предметомъ весьма важнымъ; и если Французы, Нѣмцы и другіе народы почли за нужное не замѣнять буквъ *ph* одною буквой *f* въ словахъ: *philosophie, phase* и т. п.; если они по прежнему пишутъ: *athée* вмѣсто *atée*; то для чего же хотѣть, чтобы Русскіе отступили отъ сего правила, уничтоживъ свое Ъ? Но кромѣ этимологической важности сей буквы, есть и другія

немаловажныя причины, по каковымъ сохраненіе оной становится необходимымъ.

Буква Ъ, какъ представительница твердаго выговора согласныхъ буквъ въ Русскомъ языкѣ, ставится не только въ концѣ словъ, но и въ срединѣ оныхъ, и здѣсь то всего болѣе необходимость оной кажется ясною даже и для тѣхъ, кои не имѣютъ никакого свѣдѣнія въ словопроизводствѣ Русскаго языка. Почти всѣ слова, въ составъ коихъ входятъ предлоги: *безъ, въ, возъ, съ, изъ, объ, отъ, предъ, разъ, съ* и т. п., не могутъ обойтись безъ буквы Ъ, когда предлоги сіи стоятъ предъ гласною буквою. Языкъ Русскій имѣетъ множество таковыхъ словъ, и если бы въ нихъ исключили Ъ, тогда бы они совершенно измѣнились въ произношеніи, даже иногда и въ значеніи своемъ. Приведу нѣсколько примѣровъ и постараюсь выразить произношеніе словъ Нѣмецкими буквами, болѣе для сего способными, нежели Французскія. Удержу при томъ Русскія буквы: Ж, Ш, Ы, Я, Й, коихъ звукъ весьма трудно изобразить письменно на другихъ языкахъ. Возьмемъ слова:

Въѣздъ (*die Einfahrt*), подъемный мостъ (*die Zugbrücke*), изъявленіе (*die Bezeugung*), предъидущій (*der Vorgehende*), объѣдать (*abfressen, schmarotzen*), суженіе (*die Verengung*).

Когда Ъ въ нихъ находится (какъ и должно сему быть), тогда слова сіи выговариваются такимъ образомъ:

W-jes'd, pod-jem-nyj, is'-я-wle-ni-je, pred-ы-du-щій, ob-je-dat, su-же-ni-je.

Исключивъ же букву Ъ должно бѣ было произносить:

Wes'd, po-dem-nyj, i-sя-wle-ni-je, pre-di-du-щій, obe-dat, su-же-ni-e.

Разность въ произношеніи, отъ того происходящая, ощутительна всякому, но для Русскаго она разительна. Въ нашемъ языкѣ есть звуки, которые, если не вовсе невозможно, то по крайней мѣрѣ очень трудно выразить буквами другаго языка. Таково, между прочими, Я, когда передъ нимъ стоитъ согласная буква, не отдѣленная отъ него буквою Ъ. Когда же, напротивъ того, Я стоитъ само по себѣ, или отдѣлено буквою Ъ отъ предшествовавшей согласной, тогда буквы ја выражаютъ его со-

вершенно. Въ словѣ *изъявленіе* слогъ *зя* можетъ весьма хорошо выразиться буквами *s'ja*; но отнявъ Ъ, мы получили бы слогъ *зя*, который выговаривается совсѣмъ отлично и всего звукъ не можетъ даже быть переданъ нѣмецкими буквами. Посему никакъ невозможно обойтись безъ Ъ въ словѣ *изъявленіе*.

Слово *предыдущій* также представляетъ собою особенность, о которой я должна упомянуть. Когда, въ сложныхъ словахъ, Ъ стоитъ предъ И, тогда сія послѣдняя буква выговаривается какъ Ы; ибо Ы есть не иное что, какъ обыкновенное І, сдѣлавшееся твердымъ чрезъ прибавку Ъ. Это доказывается всѣми древними Славянскими рукописями, въ коихъ Ы почти всегда изображалось такимъ образомъ: ЪІ. Изъ сего явствуетъ, что выбросивъ Ъ изъ слова: *предыдущій*, мы бы совершенно измѣнили произношеніе сего слова.

Слова: *объѣдать* и *обѣдать* не только различно произносятся, но имѣютъ и совершенно разное знаменованіе. *Ob'jedat* значитъ: *abfressen*, тогда какъ *obedat* значитъ: *zu Mittag essen*.

Вотъ, милостивый государь, краткое изложеніе причинъ, кои всегда будутъ препятствіемъ въ исключенію буквы Ъ изъ Русскаго бугваря. Смѣю надѣяться, что сего краткаго изложенія достаточно будетъ въ оправданію меня въ глазахъ вашихъ и къ доказательству, что я, не подвергаясь упреку въ излишнемъ самолюбіи, могу удерживать за собою право гражданства въ томъ языкѣ, въ которомъ я жила искони, и могу опереться въ томъ на тысячелѣтнюю давность. Примите вмѣстѣ съ симъ увѣренія мои, что я нисколько не досажую на васъ за то, что вы неосновательно знали права мои: я легко понимаю, что вы могли быть введены въ заблужденіе. Но что нѣкоторые изъ Русскихъ не признаютъ сихъ правъ, что они не вѣдаютъ того, что изгнаніемъ меня измѣнился бы совершенно духъ языка ихъ, — сего, по совѣсти, не могу я постигнуть! Признаюсь вамъ откровенно, баронъ, что кромѣ весьма естественнаго желанія оправдаться передъ вами, у меня была еще другая причина написать къ вамъ сіе письмо. Я боялась, чтобы, опираясь на мнѣніе ваше, нѣкоторые изъ сихъ господъ не ввдумали снова поднять войну, обратившуюся нѣкогда во вреду ихъ предше-

ственниковъ. Недоумки, желая возвыситься надъ толпою, охотно цѣпляются даже за самыя заблужденія мужа знаменитаго. Иные изъ нихъ, оставлявшіе меня доселѣ въ покоѣ, и теперь уже пристають къ вашему мнѣнію, чтобъ очернить меня. Я увѣрена, что они не успѣютъ мнѣ повредить; но, въ качествѣ соотечественницы, я желала бы даже избавить ихъ отъ стыда, наносимаго неудачею. Удостоивъ меня вашимъ покровительствомъ, вы наложите на нихъ молчаніе, а меня навсегда оградите отъ всякаго новаго нападенія.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и вѣчною преданностію имѣю честь быть,

Милостивый государь!
 покорнѣйшей вашей служницею
 Буква Ъ.

С.-Петербургъ
 28 ноября 1829 г.

ОТВѢТЪ БАРОНА ГУМБОЛЬДА.

Милостивый государь!

Особа весьма остроумная, которую вы часто встрѣчаете въ свѣтѣ и удостоиваете своею благосклонностью, написала ко мнѣ письмо, исполненное наблюденій замысловатыхъ и глубокихъ объ *удареніи* и философіи грамматики. Убѣдительно прошу ваше превосходительство изъявить мою живѣйшую благодарность этой почтенной особѣ, коей поль показался мнѣ сомнительнымъ, но между тѣмъ, вѣроятно, не принадлежащей къ тому, который мы именуемъ прекраснымъ: ибо она, съ прямымъ чистосердечіемъ, хвалится преклонными лѣтами своими. Она немного сутуловата и доказываетъ, что не могла пользоваться благодѣяніями госпожи Т. Вы скажете, милостивый государь, что, не имѣя болѣе права (благодаря добрымъ совѣтамъ вашимъ) нападать на нравственность ея, я малодушно нападаю на наружный ея видъ. Нѣтъ, м. г., миръ заключенъ между нами навсегда! Если осмѣливаюсь говорить о наружности существа, покровительствуемаго вами, и о сходствѣ его слишкомъ великомъ съ родственникомъ, который слабѣе и щедушнѣе его, то это по худой привычкѣ

натуралиста, который приучился разсматривать формы и по нимъ вѣдѣть о свойствахъ фязіогноміи личной.

Примите увѣреніе въ высокомъ почтеніи, съ коимъ имѣю честь быть,

Милостивый государь!

Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

Гумбольдтъ.

С.-Петербургъ
29 ноября 1829 г.
11 декабря.
